

«СЧАСТЬЕ — ЭТО СОВПАДЕНИЕ»

— говорит поэт Белла Ахмадулина

— Вы пришли в поэзию в пестрой и шумной компании непокладистых молодых людей. Изменило ли вас время?

— Человек не может прожить, не понеся потерь. Я думаю, что состарившие меня годы пошли мне на пользу. Теперь я стала держаться дальше от привычного, шумного, эстрадного, от всего, что делила когда-то с моими знаменитыми коллегами. Я не скучаю и не грущу о том времени. Изменилась ли я? Наверное, стала лучше, понежнее, подобрее. Что касается моих знаменитых коллег? Как говорится, что написано пером... Я не отрекаюсь и никогда не отрекалась от строчек, посвященных им. Мы поровну разделили с моими братьями все, что выпало нам, и сегодня сохранили отношения благородные и уступчивые, хотя наши художественные устремления пошли разными путями. Разве что с Булатом Окуджавой все осталось по-прежнему: те же счастливые совпадения. Мы по-прежнему понимаем друг друга, нам рядом хорошо, мы легко умеем смеяться вместе. И еще много нежного хотелось бы сказать во славу Булата, его глуховатого голоса и его слова. Обстоятельства литературной жизни Окуджавы изменились к лучшему, хотя и помнится еще лютое отношение критики к драгоценному слову его песен. Теперь критики смягчились, а людская любовь не убывала. Я видела многих претерпевших испытание благодеянием. Это самое большое искушение. Булат не изменился: тонок, уязвим, доблестен, невредим в совести.

— В «Дачном романе» вы написали: «Хо-

чу соврать и не совру, как ни мучительна мне правда»...

— Я рада, что вы говорите о «Дачном романе», о нем вспоминают редко. Но за этими строчками не стоит усматривать большего, чем им отведено. В стихотворении у них совсем другая нагрузка, не многозначительная, а шутливая, скорее. В другом своем стихотворении я написала: «И не настолько лживы губы наши, как им подчас советует судьба». Это вернее.

— Чтобы не возвращаться больше к цитатам, позвольте еще одну, последнюю: «Стихотворения чудный театр...» Что это — своего рода декларация?

— Ни в коем случае. Стихи — это стихи, театр — это театр, очень любимое мною волшебное искусство. К театру, артистам отношусь очень хорошо. Это с детства, со «Снежной Королевы», откуда меня вывели, потому что своими рыданиями я мешала артистам. Впрочем, по сей день не уверена, что такой плач может помешать.

Судьба моя сложилась так, что в какие-то периоды своей жизни я каждый день выхожу на сцену. И есть в этом ответственность не только поэта, но и лицедея, ответственность за свои действия, за тех, кто сидит в зале. Поклоняясь свече и белому листу, ты еще должен быть актером некоего театра.

— Но разве не вместе с поэзией приходят к вам счастливые мгновения?

— Менее всего, я рассчитывала когда-то на счастье. Все началось странно, негаданно, и когда я опомнилась — уже свершилось. Уже было решено за меня, начиная с

детских крошечных писаний. И путь этот от меня не был зависим. Счастье — это совпадения, осознанные мгновения бытия. Иной раз не догадываешься, что выпавший тебе миг — и есть счастье. Мое счастливое время, когда, зимой обычно, я съезжаю куда-то и там пишу.

— За немалые годы работы в поэзии у вас вышло всего восемь книжек.

— Да, восемь... Сравнительно с моими коллегами — примечательно мало. Но я горжусь, что мало. Я никогда не спешила,

издатели предлагали — не отказывалась — Даже в Тбилиси, где гостю готовы отдать, кажется, все, добыть ваши «Сны о Грузии», изданные в «Мерани», оказалось делом невозможным. А ведь там они вышли не один раз.

— Моя связь с Грузией особого свойства. Они все там фантастически музыкальны. И поющие, и пишущие. И еще чрезвычайно добры. И находят те же качества в других. У них ко мне так много лишнего чувства... «Сны о Грузии» — стихи, переводы, проза — наиболее полная моя книжка. Может быть, это и не очень хорошо. Поэтому никогда не мешала недосказанность. Напротив, последний мой сборник — «Тайна», вышедший только что в Москве, очень мал, но в нем, как мне кажется, есть своя грациозность.

— В ваших стихах немало о Пушкине...

— Часто он даже не назван по имени. Разве я одна должна быть благодарна ему и тем, кто восходит к нему — Лермонтову или Тютчеву, или, позднее, Цветаевой, Ахматовой, Пастернаку? Конечно, все они повлияли на меня. Это удел невежды — не принять к душевному сведению то, что сделано до тебя, делается сейчас. Пушкин же... Я ощущаю его всегда. Это судьба многих, ибо достает Пушкина на всех. Одну из своих книжек Цветаева назвала «Мой Пушкин». Сказать же так о нем могут многие.

— Мы разговариваем с вами в канун Нового года. Чего вы ждете от него?

— Я никогда не прошу у судьбы ниспослать мне недарованного в этот обожаемый мною праздник. Пусть он причинит радость людям, украшающим елки, делающим друг другу подарки. В канун Нового года мы улучшаемся, лишь бы не ухудшаться потом. Я никогда не была ранена плохими людьми, все у меня складывалось счастливо. Зачем же желать другого?!

Вел беседу
Виталий АНДРЕЕВ.
Фото Д. ПРАНЦА.